

ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

ВОЛКОВА Е.Ю.

CHILDREN'S LIFE DURING GREAT
PATRIOTIC WAR 1941-1945

VOLKOVA E.YU.

В статье на основе собранных воспоминаний ветеранов, чье детство выпало на годы Великой Отечественной войны, показано, как дети выглядели в военное время, какая у них была обувь, одежда, любимые вещи, а также какие трудности они испытывали при решении, казалось бы, простой проблемы – где и чем помыться.

The article, basing on veterans' childhood memories of Great Patriotic War, shows the way the children looked like in wartime, the footwear, clothes, favourites they had and what difficulties they faced when solving seemingly easy problem – where and what to have a wash with.

Ключевые слова: дети, Великая Отечественная война, обувь, одежда, проблемы гигиены.

Keywords: children, Great Patriotic War, footwear, clothes, hygiene problems.

УДК 9(47+57) «1941-1945»-053.2

ети военной поры – это последние живые ее свидетели. К сожалению, и их остается все меньше. Уходит целый пласт «исторических» героев Великой Отечественной. Когда они исчезнут навсегда, никто не сможет узнать об их болях и радостях, страданиях маленьких душ, невероятном, сверхсильном труде и отчаянном детском патриотизме.

И главное, никто не сможет ощутить подвиг народа, сделавшего все для сохранения своего будущего, для воспитания будущих граждан, и никто не увидит, как в поведении самих детей выразилось величие народа. И не сохранится урока для народа и страны на все времена.

В последнее время все больше стало издаваться воспоминаний детей войны. Мы также посчитали необходимым записать их воспоминания. Автор более 30 лет собирает свидетельства участников войны, в том числе и детей различных возрастов. Но последние несколько лет к сбору воспоминаний были привлечены студенты различных факультетов Костромского государственного технологического университета. В целом 170 студентов собрали воспоминания около 200 ветеранов. Но это не просто запись отдельных воспоминаний. Производится их анализ по различным аспектам жизни детей в военные годы: труд, быт, одежда, обувь, игры и т.д. На наш взгляд, при таком подходе картина военного детства становится более четкой, яркой, наглядной.

Конечно, воспоминания – очень субъективная вещь. Для одного годы войны – это один сплошной кошмарный сон, от которого остались только чувства голода и холода, для другого – это недоедание, плохая одежда, помощь взрослым, но в то же время – игры, танцы, радости, учеба в школе. Были, конечно, и те, для которых «война – мать родная», но их процент мизерный. В процессе работы мы учитывали особенности индивидуального психологического склада, в силу чего запоминается одно и забывается другое, свойства памяти, которая с годами слабеет. Характер

воспоминаний, кроме того, напрямую зависит от цели, которую ставил перед собой их автор: беспристрастная фиксация событий, исповедь, оправдание, обвинение или просто раздумья. Тем не менее воспоминания помогают напрямую соприкоснуться с той атмосферой, в которой дети жили, учились, помогали взрослым, часто сознательно преодолевали материальные и моральные лишения. Мемуарные частности порой имеют решающее значение для реконструкции того или иного события, отражают больше и глубже, чем многие официальные документы. Память детская цепкая, а в войну, в неординарной обстановке, ребенок запоминал детали, на которые взрослые зачастую не обращали внимание. В целом, несмотря на возможные неточности в рассказах, стертые за давностью лет какие-то детали, в конечном итоге формируется картина нелегкого военного детства.

Ветераны, чьи воспоминания включены в статью, в военные годы жили в различ-

ных регионах, но подавляющее большинство из них находилось на территории современной Костромской области. Чтобы не загружать статью частым повторением «Костромской» области, решили, если название области не фиксируется, значит это – Костромская.

Интересен и важен любой аспект жизни детей в годы войны. Остановимся на двух из них: во что были дети одеты и как решались вопросы гигиены. Как известно, в период Великой Отечественной войны по стране производство самых необходимых вещей сократилось в несколько раз. Например, централизованные рыночные фонды на производство хлопчатобумажных тканей сократились в 1945 г. по сравнению с 1940 г. в 5 раз; шерстяных – в 1,4; чулочно-носочных изделий – в 7; кожаной обуви – в 6,7; резиновой – в 7,5; керосина – в 7,4, о чем свидетельствуют данные таблицы №1 [1].

Таблица 1

**Централизованные рыночные фонды непродовольственных товаров
(в млн рублей, цены 1954 года)**

	1940	1942	1943	1944	1945
Х/б ткани	13953	1170	1036	1302	2862
Шерстяные ткани	2602	652	814	1493	1885
Платки	950	122	219	251	303
Х/б нитки	649	103	113	147	264
Чулочно-носочные изделия	1558	239	232	212	215
Кожаная обувь	7070	688	583	751	1057
Резиновая обувь	1735	13	13	114	233
Хозяйст. мыло (тыс.т)	340	86	67	73	92
Парфюмерно-косметические изделия	1220	324	822	1152	1465
Керосин (тыс.т)	1430	219	121	112	193

Имевшиеся старые, порванные или сломанные вещи невозможно было отремонтировать, так как сфера бытового обслуживания и так слабо развитая в мирное время, в годы войны фактически была сведена к нулю. З.А. Голышева говорит: «Из обуви носили друг за другом обноски. Мама соберет целый мешок и несет к старику-обувщику. Тот говорит: «Выброси», а мама: «Пожалуйста, подчини, а то не в чем ходить детям». И чинил, клепал». 11-летней Медведниковой Градиславе сосед сшил туфли. «Сколько раз

я бегала на примерку этих туфелек! Первый раз я их надела на танцы, куда дошла хорошо, а с танцев возвращалась по росе, и туфли развалились. Так что радость была недолгой». В.Н. Карпов вспоминает: «Жил у нас в селе Жарки сапожник, наш дальний родственник Илжиков Николай Никифорович. Как-то он мне сшил кожаные сапоги. Для меня они стали самыми дорогими, я их берег, а в основном летом ходил в лаптях, зимой – в валенках» [2].

В сложившейся ситуации руководители разных уровней пытались найти хоть

какой-то выход. Помогала им в этом и народная смекалка. Например, с 1943 г. началось самодеятельное или организованное плетение лаптей. В 1944 г. их было изготовлено более 737 тыс. пар только по линии потребкооперации СССР [3]. В Ярославской области, куда входило большинство районов современной Костромской области, в 1944 г. было продано товаров на 42,7 млн. рублей больше, чем в 1942 г., в том числе 300 тонн мыла, 574 тыс. трикотажных изделий и 500 тыс. пар обуви [4]. Проводимые меры в некоторой степени облегчали жизнь в военное время. Однако основная масса женщин продолжала надеяться только на свои силы.

Как выглядели маленькие жители страны?

Зимой дети носили валенки, в основном старые, залатанные, иногда обшитые резиной, теплое пальто на вате, фуфайки, варежки, на голове – шапки-ушанки, «буденовки», девочки – теплый платок. Весной и осенью ходили в ботинках с галошами. Летом – чаще всего босиком или в матерчатых (парусиновых) туфлях, кожаных сандалиях. Мамаева А.А. из д. Горки Костромского района говорит: «В войну носили телогрейки, на ногах сапоги, одни валенки приходились на троих, на голове – тканый платок. Иногда расстригали байковое одеяло и носили». А Т.А. Живцова из д. Батурино Солигаличского района вспоминает, что шили жакетки из какой-то старой, распоротой одежды, на ногах чулки. Когда они рвались, низ чулка отрезали и оставались «поголенки». Носили их, пока совсем не порвутся. «Однажды моя двоюродная бабушка привезла мне из Ленинграда ситцевое платьице. Я настолько была рада, что обежала всю деревню, каждый дом, чтобы похвастаться, что у меня есть новое платьице». А.А. Замахова из д. Юдиха рассказывает: «Из льна соткут холстину, выкрасят в синий или черный цвет и шьют, в том и ходили. Любимой обувью были брезентовые туфли, которые мазала солидолом, чтобы были черными. В них я любила гулять». Т.А. Андреева из Нерехтского района говорит: «Что касается вещей, их мы донашивали друг за другом, с материнского плеча носили пальто до самых пят, но его не обрезали, так как его одедали и младшие и старшие. Ходили в лохмотьях, в старых тряпицах. Зимой на всех нас были одни валенки. Пока кто-то

в них работал, остальные обматывали ноги в тряпки и грелись на печке. Потом по очереди менялись валенками, такой драгоценной для нас всех вещью» [5].

8-летняя Грибова Валя носила тряпочные сапоги с калошами, которые выдавали ее матери, работавшей ватерщицей на костромской фабрике «Искра Октября». Их приматывали веревками, т.к. они были на несколько размеров больше. Из одежды кто-то дал большую мужскую рубашку, которую позже посадили на теплый материал, и получилось «пальто». Больше носить было нечего, потому что жили очень бедно. Коля Собакин был младшим ребенком в семье. Летом он донашивал платья за пятью старшими сестрами, т.к. маме шить было некогда, а зимой носил шитые штаны и девчоночье пальто. У 10-летней Высоковой Людыверхняя одежда была из грубого сукна отцовской шинели, перешитой после его смерти. Носила она скромные платьица наподобие школьной формы, резиновые галоши на шерстяной носок, летом – сандалии [6].

Обувь была типичной для миллионов детей. Зимой они практически поголовно носили валенки, зачастую шитые, перешитые, дырявые. Порой одни валенки приходились на несколько человек, ходили в них по очереди. Иногда случались драки из-за этого. Некоторые дети носили ботинки или сапоги отца или матери, особенно в праздники.

Иногда на валенки надевали калоши или просто обшивали резиной. Н.Н. Лебедева из Галичского района говорит, что на валенки надевали красные клееные калоши. «У всех были одинаковые, ходили как гуси». Но некоторым детям доставалась и другая зимняя обувь. Например, сестры Нина и Валя Смирновы, кроме валенок, имели бурки. «Они были короткие, поэтому мать пришивала к ним какие-нибудь рукава. Вместо носков носили портянки». Кожиной Люде повезло: у нее были белые бурки с кожаной окантовкой. Ее тетя заказывала сшить себе, а из остатков досталось и Люде [7].

Ранней осенью и поздней весной кто-то ходил в кирзовых сапогах, ботинках. Некоторые круглый год ходили только в лаптях. Скрыбина Н.П. вспоминает: «Лапти были круглый год, зимой из льна, а летом из липы делали лыко. Бабушка плела «бахары» – лапти из бересты вместо тапочек. Даже песня была:

«Пляши Матвей – не жалея лаптей: до субботы доживем, лапти новые сплетем». Отца 10-летней Кузнецовой Нины из Павинского района забрали на войну, «мама осталась с нами – четырьмя детьми и бабушкой 80-ти лет. Из детей я была старшей, младшему было два месяца. Обувь у нас была в основном лапти и берестяные плетеные тапки (чупохи). Летом мы в них ходили на сенокос, на прополку посевов. Но в основном ходили босиком, даже в лес за грибами и ягодами». Виноградова Г.В. из Солигалича вспоминает, что «ходили в лаптях и тунах. Лапти плелись из бересты и были помягче. Туны плелись из толстых веревок и были попрочнее. В тунах ходили в основном мужчины». Г.Н. Серова из д. Подольново говорит, что «обувь делали из чего могли, шили чуни из необработанной козьей шкуры, плели лапти из липового лыка, делали шоптонники из крученных льняных нитей» [8].

Летняя обувь была более разнообразная, но в основном бегали босиком: кому просто нечего было надеть, кто-то берег единственные туфли. Как говорит Н.Н. Лебедева, «были, конечно, сандалии, но их берегли, одевали вечером на чисто вымытые ноги». А У.А. Шельгина вспоминает: «Когда подвыросли, завели нам с сестрой какие-то тапочки, туфельки. Если мы шли на гулянку в соседнюю деревню, то бежали босиком. Перед деревней мыли ноги в какой-нибудь луже или обтирали тряпкой и обувались». Зачастую обувь изготавливали сами. П.В. Смирнов вспомнил, что летнюю обувь делали из веревок, а С.А. Москвина говорит, что летом ходили босиком или в «ступнях» – обуви из бересты [9].

К концу войны с обувью стало хуже: новой практически не выпускали, а старая приходила в негодность. Крайне редки были случаи, когда дети могли похвастаться новой обувью, как, например, Смирнова В.П. Осенью 1944 г. ей из белой шерсти скатали валенки. Чтобы они оставались белыми, Валя школьным мелом закрашивала пятнышки. Гулять она в них не ходила, а только в школу. Весной 1944 г. папе 8-летней Голышевой Зине, работавшем на заводе «Дубитель», выдали одни красные туфельки, и подошли они Зине. «Это было незабываемо. Я с ними не расставалась и днем и ночью, спать с собой брала. Но как-то я пошла в лес за ягодами и взяла их на плечо, чтобы не запачкались, и не заметила, как они

упали с плеча. Это была трагедия. Я закричала на весь лес и плача бегала от куста к кусту, искала свои туфельки. Старший брат меня еле поймал и за руку довел до дома, пообещав, что когда вырастет, устроится на работу и с первой зарплаты купит мне такие же туфли. Это меня успокоило» [10].

Одежда также не отличалась разнообразием и изыском. По словам К.Г. Малышевой, «одежда была убогая, обноски, перешитые бабушкой. Все лето ходили, извините, без штанов: берегли на осень и зиму. Пошлостей и дразнилок по этому поводу не было. Все воспринималось как закон времени». Но, как правильно подметила М.М. Травникова из Чухломского района, «мы были молоды, очень хотелось принарядиться, а с одеждой были проблемы. Если же у кого-то из подруг появлялось платье из нового ситца, это было настоящее событие. Но, как говорится, «голь на выдумки хитра». Однажды ближе к концу войны в наш колхоз приехало районное начальство, чтобы наградить отличившихся рабочих на посевной. Мне подарили ситцевое платье. Сколько было радости! Но платье оказалось мне мало. Обидно было до слез. Тогда мы с матерью его немного переделали, и я стала носить его вместо кофты». Г.В. Виноградова вспоминает: «Одевались просто, у кого что было. Но чтобы выглядеть каждый раз по-другому, с девчонками менялись нарядами». 10-летней Дроздовой Вале очень нравилась шляпа старшей сестры, очень хотелось поносить, но сестра не давала, из-за этого у них случались потасовки [11].

В изготовлении вещей женщинам давались советы на страницах центральных журналов «Работница» и «Крестьянка»: как сшить себе платье, приготовить приданое для новорожденного, связать свитер, сделать сандалии или простые туфли. Но мало женщин выписывали эти журналы, да и некогда было их читать. Вся надежда была на свое творчество. У тех, кто умел шить, вязать, ткать, проблем было меньше. Без конца перешивались старые вещи. Например, у Красоткина Бориса из д. Новая Сусанинского района мать Мария Дмитриевна была портнихой. Она перешивала старые вещи для детей, а глухонемой дядя Иван катал валенки [12]. Для 10-летней Осетровой Лизы из д. Раккуниха того же района мама вязала крючком из крупного льна тапочки, кото-

рые, к сожалению, были недолговечными. У Мосиной Капитолины из Костромы с обувью проблем не было, т.к. папа работал сапожником. У нее были и туфли, и сапоги. А самой дорогой вещью было красное платье, сшитое для нее старшей сестрой [13].

Возродилось домашнее ткачество, прядение шерсти, вязание теплых кофт, свитеров, варежек, носков и т.п. Карпов В.Н. из села Жарки Костромского района вспоминает: «Почти у всех дома стояли свои ткацкие станки, где ткали портянки, половики. Из тканого материала шили рубахи. Они были очень хорошие, в них и не жарко, и в тоже время тепло». А Н.П. Скрябина говорит: «Все, кто получал похоронки, собирались в одной избе с одной лампой и пряли, ткали полотенце и разные вещи». «Как мы одевались в это трудное время? – спрашивает Е.А. Метелькова. – А так: мяли, трепали и пряли полотна из льна. Красили в ольховой коре и шили фуфайки, жакетки, юбки, чулки, вязали рукавички. Наши матери всю осень часов до 12 ночи трепали лен на дворах, а мы пряли его на пряхках с «мигалками» и лучиной. Тогда мало кто мог достать фабричных материалов, потому что все предприятия работали на оборону страны». А Г.Н. Серова рассказывает: «Одевались очень бедно, женщины даже шили одежду из крапивы. Они срывали переросшую крапиву, очищали ее, стволы замачивали, высушивали, жали на станке и ткали ткань. Она получалась грубой, но выбора не было» [14].

И таких примеров можно привести много, например, у мамы 10-летней Левиной Александры был свой ткацкий станок, на котором она ткала холсты, из которых шила платья и сумки. 9-летняя Лещева Милитина ходила в домотканом ситцевом сарафане, сшитом ее бабушкой, а через плечо – домотканая сумка с одной пуговицей, на ногах – самодельные лапти. Маленькой Сбоевой Наде очень повезло: сшили ей полушубок из овчины, сверху обшили материалом. «Я считалась богатой, но однажды напала на меня собака и порвала шубу. Сколько было слез!» [15].

Как бы ни был беден детский гардероб, у каждого были свои любимые вещи, которые запоминались на всю жизнь. У 15-летнего Скобелина Володи из Новокузнецка самой любимой вещью была черная куртка из шинельной ткани, у 10-летнего Карпова Вадима из Архангель-

ска – теплые самодельные пимы, сшитые матерью из старых шуб с калошами. Добрецова Ангелина из деревни Поросель Галичского района особенно берегла и ценила сшитое ситцевое платье, которое одевала только по праздникам, а Соколова Алевтина из деревни Ураново Сусанинского района – головной платок, который был куплен матерью на сданные яйца. Нагорнова Нина, родившаяся 12 декабря 1940 г. в д. Поповка Некрасовского района Ярославской области очень любила связанное мамой платье. А Замураевой Нине из деревни Середняя Пыщугского района очень нравились сапожки, которые выменяла ее мама на продукты, но одевала их только по праздникам. 16-летняя Останина Вера из Вохомского района «любила щеголять в темной ситцевой юбке и пиджаке, который сшил отец еще до войны». У 8-летней Шелеповой Александры из д. Пономарево Шарьинского района любимой была вязаная кофточка, которую ей прислала двоюродная сестра из города. Хоть и великовата была она ей, но все равно очень ее любила и носила до дыр, потом заштопывала и снова носила.

Но даже с такими очень любимыми вещичками дети нередко вынуждены были расставаться, так как именно эта вещь становилась последней надеждой в семье для обмена на более ценные продукты. Примеров тому много. У 11-летней Смирновой Риммы из Костромы были очень красивые туфли, купленные до войны. «Самым обидным было, когда маме пришлось поменять мои туфли на картошку. Как же мне не хотелось их отдавать!»; у 10-летней Денисенковой Гали из Вохомского района был любимый розовый шерстяной сарафан, который пришлось обменять на хлеб. «Было очень жалко» [16].

Дети с пониманием относились к этому. Зверева В.А. из Костромы рассказывает: «Мама все для нас шила: красиво, скромно, со вкусом. Товаров в магазине не было. Приходилось записываться под номер и всю ночь стоять до открытия магазина, чтобы купить немного ситца. В основном мне приходилось дежурить у магазина. Часто делали переключку номеров. Если кого не было, очередь продвигалась вперед, а утром открывали магазин. Как-то из купленного материала в клеточку, «шотландки», она сшила мне красивое платье, которое мне очень нравилось. Но пришлось это платье поменять

на мешок картошки. «Вера, – сказала мама, – у нас уже ничего из вещей нет, придется нести твоё платье». Я говорю: «Мама, я ещё буду ночь стоять, куплю другой

материал, и ты мне сошьёшь другое платье». И действительно, позже мама сшила мне серое платье с красной отделкой и красными пуговицами на спине» [17].

Детский приемник-распределитель. Город Вильнюс. 1945 г.

В условиях войны на каждом шагу возникали непреодолимые преграды. Например, казалось бы, простая вещь – помыться, постирать белье или подстричься. Но в военное время это оказалось сделать не так-то просто. С большим трудом шло выполнение постановления СНК РСФСР от 4 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению обслуживания банями и прачечными населения и организаций в городах РСФСР». За первый квартал 1942 г. по 12 областям РСФСР было построено 529 бань упрощенного типа, то есть рубленых и земляных. В основных же банях, которых к концу войны по республике насчитывалось 734, наблюдались частые перебои из-за отсутствия топлива. Срок службы котлов нередко исчислялся 30–40 годами. Из-за ветхого состояния многие краны не работали. Постоянно не хватало шаек, мыла и соды, а имевшиеся крохи были низкого качества. 2286 парикмахерских республики работали с перебоями из-за отсутствия материалов и моющих средств [18]. Кораблева Нина Михайловна, приехавшая в Солигалич из блокадного Ленинграда, говорит: «Где мы только не мылись: и в русской печке щелоком. Солому стелили, залезали и мылись. И в бане парились, один раз даже в черной бане мылась. В городскую баню ходили. Такая очередь была – это что-то уму непостижимо. И мылись, и стирали тут же. Три дня в неделю были женских, три дня – мужских. Но всегда чистенькие ходили. Волосы у меня длинные были,

бантик у всех был на левой стороне, а я – левша, у меня – на правой» [19].

Горожане мылись в общественных банях, в основном хозяйственным мылом, мочалки были из рогожи или лыка из липы. М.В. Коноплева вспоминает: «Мочалки делали сами: из леса приносили траву – сороколеточник, на руку наматывали и мылись. Делали и липовые мочалки и, конечно, парились вениками» [20]. Летом городские девчонки и мальчишки чаще мылись в реке, чтобы не тратиться на баню. К.Г. Малышева вспоминает, что в г. Тулгуне Иркутской области, где они пережили войну, «мылись черным хозяйственным мылом. Это был дефицит. Помню, как бабушка взяла взаймы кусок такого мыла у учителя биологии Ивана Митрофановича и мучительно переживала: долг надо отдавать, а где взять это злополучное мыло? Вместе с ней переживали и мы, дети». В.В. Павлов из Нерехты говорит, что «мыло покупали на базаре. Было и так, купишь кусок, а внутри деревянная чурка». Это подтверждает не один человек, например С.А. Гусева из Костромы говорит: «Один раз мама купила кусок мыла на базаре, а внутри его была деревяшка, так мама долго ходила с этой деревяшкой на базар, надеясь встретить ту женщину, но так и не встретила». Семью Смирновых из д. Григорького Красносельского района выручали родственники из Костромы, получавшие мыло по талонам. А вот 3-летней Черниковой Гале повезло: они жили в Перми и мылись землянич-

ным мылом, которое ее бабушка купила еще до войны с «непревзойденным и сейчас по своему качеству и запаху земляники» [21].

Жители Костромы в основном ходили мыться в баню на улице Сенной. Л.С. Астреина вспоминает: «Помыться было большим счастьем. При входе в баню всех проверяли на наличие вшей. Когда сидели в очереди и ждали возможности помыться, самое радостное было – побегать с детьми вокруг деревянных колонн в зале. В буфете продавали газировку с сиропом, стакан стоил 4 копейки. Правда, только однажды мама купила мне ее. Я очень любила в бане мыться в тазаках, которых зачастую не хватало. Мылись жидким мылом или хозяйственным». Ее рассказ дополняет Зверева В.А.: «Баня была большая, 2-хэтажная. Мужской отдел на первом этаже, женских два – на втором. Очереди огромные, особенно по субботам, даже с улицы. Папа брал в баню двух братиков, мама нас троих. Хотя мне было 15 лет, но голову все равно мыла мама, говоря, что я потрачу много мыла, а волосы не промою» [22].

С посещением этой бани вспоминаются и курьезные случаи. Рассказывает Щавелев Леонид Георгиевич: «До 4 класса я мылся вместе с мамой в женском отделении, а после одного забавного случая стал мыться в мужском. А было это вот как. В 4-м классе я влюбился в дочь одного военного Люсю Шандалову. И как все мальчишки того времени, носил ей ранец, заглядывал в ее окна в надежде хоть нена-

долго ее увидеть. Как-то раз пришли мы с матерью в баню. Я ополоснул стол, сел...и обомлел – напротив меня сидела Люся! Больше с ними в баню я не ходил» [23].

В деревнях дело обстояло хуже. Учреждений бытового обслуживания не было и в помине. В.Н. Карпов из села Жарки Костромского района вспоминает: «Парикмахер Свистунов Коля подстригал за одно яйцо, потому что денег не было. У девочек были мелкие гребни. Они ими вычесывали вшей и жгли в огне, чтобы не заразиться. Но бывали случаи, что и девочек стригли налысо. Лечить было нечем, дуста не было. А еще были вши постельные, поэтому подушки, матрасы, одеяла часто стирали или просто сушили. Мама белье замачивала, кипятила в простой воде, чтобы вши вывелись. А они все равно были. Постельное белье, рубахи, шаровары проглаживали утюгом на углях. Но и утюги были тоже не у всех» [24]. Кто-то гладил деревянными валиками, сохранившимися от прадедов.

Мыла практически не видели. Мылись и стирали белье в «щелoke». С.А. Москвина рассказывает его «рецепт»: «В кадку положить пеплу, залить горячей водой и опустить горячий камень». Белье потом сильно били валиками на реке при полоскании. П.В. Баданин говорит: «В отсутствии мыла щелок – эффективное средство очищения волос от вшей и гнид. Изредка приобреталось жидкое мыло домашнего приготовления из мяса собак и каустической соды» [25].

Первоклассники из школы д. Лисицыно Мантуровского района Костромской области. 1942 г.

На селе мылись в своих банях, но проблема была с заготовкой дров. Хотя и жили рядом с лесом, просто некому было заготовливать. Г.А. Майорова из села Георгиевского Межевского района с горечью говорит: «На быках возили дрова. Один раз, помню, везли зимой дрова. Вдруг посреди поля бык лег и как его не уговаривали, и по-хорошему, и по-плохому, пока не належался – не встал» [26]. Поэтому иногда одна баня приходилась на несколько семей, мылись по очереди. И все же бани были далеко не у всех. В основном мылись в русских печах. А.А. Добрецова из Галичского района вспоминает: «Несмотря на тяжелое военное время, всегда следили за чистотой. Мылись в домашних черных избушках. Часто парилась в русских печах. После того как печь истопится, выгребали из нее угли и закрывали за-

слонку, чтобы сохранить жар. Потом клали в печь солому или специальные доски, ставили тазик с водой и веник. Веник мочили в тазу, залезали в печь и парились в ней. Печки были большие. В них убирались мамы с детьми. На чистое обливались на дворе из ушаток» [27].

Таким образом, собранные воспоминания – дань памяти тем людям, кто сумел пережить страшные испытания, выжить, не сломиться в тяжелейших условиях чудовищной войны, остаться Человеком. Анализ же воспоминаний ветеранов в еще большей степени важен нынешнему и грядущим поколениям, чтобы они учились радоваться малому, ценить доброту и заботу, понимать, какой ценой их близким достаются блага для них, уважать старших, трудиться.

Примечания:

1. Подсчитано и составлена таблица автором по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Стат. сб. М., 1990. С. 190.
2. Голышева Зинаида Алексеевна, 19 декабря 1936 г., п. Умет, Мордовская АССР, записал Лапин М.А. в 2009 г.; Виноградова (Медведникова) Градислава Васильевна, 12 окт. 1929 г., г. Солигалич, записала Апушкина М.С. в 2010 г.; Карпов Владимир Николаевич, 24 дек. 1931 г., с. Жарки, Костромской район, записала Карпова М.Н. в 2010 г.
3. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М., 2003. С. 373.
4. Бритов В.М. Забота партийных организаций Верхней Волги о материальном благополучии трудящихся в годы Великой Отечественной войны (январь 1943 – май 1945) // Партийные организации Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны. Иваново, 1968. Вып.6. С. 46.
5. Мамаева (Туманова) Александра Александровна, 1930 г.р., записал Боборыкин И.Е. в 2009 г.; Живцова (Аксенова) Тамара Александровна, 1940 г.р., записал Баженов В.Н. в 2009 г.; Замахова Анфиса Аркадьевна, 1924 г.р., д. Юдиха, Горьковская обл., записала Гребенщикова Ю.Н. в 2009 г.; Андреева Тамара Анатольевна, 9 авг. 1930 г., д. Неверово, Нерехтский район, записала Беленогова И.Н. в 2010 г.
6. Грибова (Румянцева) Валентина Николаевна, 29 сент. 1933 г., г. Кострома, записал Горевалов К.Е. в 2009 г.; Собакин Николай Михайлович, 8 авг.1935 г., хутор Казино, Буйский район, записал Михайлов М.С. в 2009 г.; Скобелина (Высокова) Людмила Николаевна, 1929 г.р., г.Новокузнецк, записала Пашарина Е.В. в 2009 г.
7. Лебедева (Макарова) Нина Николаевна, 1938 г.р., Галичский район, записал Козловский И.И. в 2009 г.; Смирнова Нина Михайловна, 1932 г.р., Писарева Валентина Михайловна, 1942 г.р., д. Юркино, Макарьевский район, записал Петухов А.В. в 2009 г.; Кожина Людмила Тимофеевна, 1937 г.р., с. Ужово, Горьковская обл., записал Белов П.А. в 2009 г.
8. Скрябина (Сбоева) Надежда Петровна, 10 сент. 1940 г., д. Конавальцев, Свечинский район, Кировская область, записали Скрябина М.А., Федоренко В.В. в 2010 г.; Шешина (Кузнецова) Нина Ивановна, 27 сент. 1931 г., д. Вторунка, Павинский район, записала Ивкова Е.Ю. в 2010 г.; Виноградова (Медведникова) Градислава Васильевна, 12 окт. 1929 г., г. Солигалич, записала Апушкина М.С. в 2010 г.; Серова Галина Николаевна, 31 окт. 1942 г., д. Подольново, Костромская область, записала Серова Ю.А. в 2010 г.
9. Лебедева (Макарова) Нина Николаевна, 1938 г.р., Галичский район, записал Козловский И.И. в 2009 г.; Базина (Шелыгина) Ульяна Александровна, 1937 г.р., д. Всемирская, Вологодская обл., записала Карпова О.В. в 2009 г.; Смирнов Павел Васильевич, 1934 г.р., Буйский район; Москвина Софья Алексеевна, 1927 г.р., Буйский район, записал Смирнов Д.А. в 2009 г.
10. Голышева Зинаида Алексеевна, 19 дек.1936 г., п. Умет, Мордовская АССР, записал Лапин М.А. в 2009 г.

11. Малышева Ксения Георгиевна, 1936 г.р., г. Тулгун, Иркутская обл., записал Загорей А.И. в 2009 г.; Травникова Мария Максимовна, 1924 г.р., д.Стан, Чухломский район, записал Горбунов Е.О. в 2009 г.; Виноградова (Медведникова) Градислава Васильевна, 12 окт. 1929 г., г. Солигалич, записала Апушкина М.С. в 2010 г.; Дроздова Валентина Ивановна, 5 сент.1931 г., ст. Бурмакино, Ярославская обл., записала Сапоненко А.А. в 2010 г.
12. Красоткин Борис Александрович, 1932 г.р., записала Бутримова Т.С. в 2009 г.
13. Осетрова Елизавета Алексеевна, 1930 г.р., д. Раккуниха, Сусанинский район, записал Гремилов А.С. в 2009 г.; Мосина Капиталина Васильевна, 1927 г.р., г. Кострома, записала Баданова М.В. в 2009 г.
14. Карпов Владимир Николаевич, 24 дек. 1931 г., с. Жарки, Костромской район, записала Карпова М.Н. в 2010 г.; Метелькова Екатерина Александровна, 1927 г.р., Солигаличский район, записал Смирнов Н.С. в 2009 г.; Серова Галина Николаевна, 31 окт.1942 г., д. Подольново, Костромская область, записала Серова Ю.А. в 2010 г.
15. Левина Александра Ивановна, 1935 г.р., Юрьевецкий район, Ивановская обл., записал Смирнов Д.А. в 2009 г.; Лещева Милитина Леонидовна, 25 янв.1931 г., д. Бортново, Костромская обл., записал Федотов П.В. в 2009 г.; Скрябина (Сбоева) Надежда Петровна, 10 сент. 1940 г., д. Конавальцево, Свечинский район, Кировская область, записали Скрябина М.А., Федоренко В.В. в 2010 г.
16. Смирнова Римма Дмитриевна, 10 окт. 1930 г., г. Кострома, записали Смирнова И.А., Павленко А.А. в 2010 г.; Разумова (Денисенкова) Галина Николаевна, 1931 г.р., д. Корелы, Вохомский район, записала Малютина О.А. в 2010 г.
17. Зверева (Терновская) Вера Александровна, 1926 г.р., г. Кострома, записал Рябыш Е.В. в 2009 г.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5456. Оп. 26. Д. 32. Л. 1, 8, 27; Д. 33. Л. 21; Д. 119. Л. 51, 53, 54, 59.
19. Кораблева (Руссова) Нина Михайловна, 20 июля 1937 г., г. Ленинград, записала Аретова О.В. в 2010 г.
20. Коноплева (Свитолина) Мария Васильевна, 1 авг. 1929 г., д. Плаксино, Вологодская обл., записала Гольянова Н.П. в 2010 г.
21. Малышева Ксения Георгиевна, 1936 г.р., г. Тулгун, Иркутская обл., записал Загорей А.И. в 2009 г.; Павлов Вадим Васильевич, 21 июля 1939 г., г. Нерехта, записал Павлов В.В. в 2009 г.; Гусева София Александровна, 1931 г.р., г. Кострома, записал Курпьяков М.П. в 2010 г.; Черникова Галина Ивановна, 1938 г.р., г. Пермь, записала автор в 2010 г.
22. Астреина (Мельникова) Людмила Сергеевна, 11 дек. 1936 г., г. Кострома, записала Павлова Е.А. в 2010 г.; Зверева (Терновская) Вера Александровна, 1926 г.р., записал Рябыш Е.В. в 2009 г.
23. Щавелев Леонид Георгиевич, 8 сент. 1932г., г. Кострома, записали Чернышева А.О., Карпова А.А. в 2010 г.
24. Карпов Владимир Николаевич, 24 дек. 1931 г., с. Жарки, Костромской район, записала Карпова М.Н. в 2010 г.
25. Москвина Софья Алексеевна, 1927 г.р., Буйский район, записал Смирнов Д.А. в 2009 г.; Баданин Павел Васильевич, 19 февр. 1933 г., д. Петрецово, Вохомский район, записал Богатов В.В. в 2009 г.
26. Майорова (Бобылькова) Галина Алексеевна, 3 янв. 1932 г., с. Георгиевское, Межевской район, записала Бередниченко Д.В. в 2010 г.
27. Добрецова Ангелина Алексеевна, 1926 г.р., д. Поросель, Галичский район, записала Соболева Н.П. в 2009 г.

Сведения об авторе:

Волкова Елена Юрьевна, д-р ист. наук, доц., заведующий кафедрой отечественной истории Костромского государственного технологического университета (г. Кострома).

E-mail: v-o-8@yandex.ru